

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

СЕРЕБРЯНЫЕ ГЛАЗА

НЕПРАВИЛЬНЫЕ

Продолжение следует...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Не верьте своим глазам. Обращаясь к собравшимся в аудитории студентам, доктор Тредуэлл расхаживала взад-вперед; преподавательница медленно чеканила шаг, так что ее движения казались почти гипнотическими.

— Ваши собственные глаза обманывают вас каждый день, заполняя для вас пустоты в мире сенсорной перегрузки. — На экране за спиной преподавательницы появилось изображение какой-то геометрической фигуры, при одном взгляде на которую начинала кружиться голова. — Когда я говорю «сенсорная перегрузка», я выражаюсь буквально. Каждую секунду ваши органы чувств получают больше информации, чем они способны обработать одновременно, и ваш разум

вынужден выбирать, на какие сигналы обращать внимание. Он производит выбор, основываясь на вашем опыте и вашем представлении о том, что является нормой. Знакомые нам вещи мы по большей части можем игнорировать. Самый наглядный пример — это обонятельная усталость: ваш нос прекращает воспринимать запах, который окружает вас длительное время. Зачастую этот феномен стоит принимать с благодарностью, учитывая привычки ваших соседей по комнате.

Класс с готовностью захихикал, но быстро умолк: на экране вспыхнула очередная разноцветная картинка.

Преподавательница едва заметно улыбнулась и продолжала:

— Ваш разум создает движение, которого на самом деле нет. Наше сознание предоставляет нам информацию о цветах и траекториях на основании того, что мы уже видели прежде, а также предполагает, что именно мы должны видеть в данный момент. — На экране появилось новое изображение. — Если бы ваш разум этого не делал, то для того, чтобы просто пройтись и увидеть, скажем, дерево, потребовались бы все ваши умственные силы, и ни на что другое ресурсов уже не хватило

бы. Для того чтобы вы могли функционировать в этом мире, ваш разум заполняет занимаемое этим деревом пространство своими собственными листьями и ветвями.

Сотня карандашей поспешно выводила одни и те же слова, порождая тихое шуршание, словно по аудитории бегали невидимые мыши.

— Вот почему, впервые войдя в незнакомый дом, вы какой-то миг испытываете головокружение. Ваш разум получает больше информации за раз, чем обычно. Он рисует план пола, создает палитру цветов и раскладывает по полочкам множество образов, которые нарисует позже, чтобы вам всякий раз не пришлось проходить через этот изнуряющий процесс. Когда вы в следующий раз войдете в этот дом, вы уже будете знать, где находитесь.

— Чарли!

Кто-то настойчиво прошептал ее имя всего в нескольких дюймах от уха девушки. Чарли продолжала записывать, то и дело поглядывая на висевший в центре аудитории экран. Доктор Тредуэлл продолжала лекцию, шагая все быстрее, изредка взмахом руки указывая на экран, дабы проиллюстрировать свою

мысль. Казалось, слова преподавательницы отстают от ее стремительного разума; уже на второй день занятий Чарли поняла, что доктор Тредуэлл запросто может оборвать себя на полуслове, чтобы закончить какую-то сказанную ранее фразу; она словно просматривала текст у себя в голове, зачитывая вразнобой отдельные куски. Большинство студентов в классе робототехники сходили с ума от этой привычки, но Чарли она нравилась. Благодаря ей каждое занятие превращалось в веселую игру — как будто головоломку складываешь.

Экран снова засветился, на сей раз на нем появилось несколько механических деталей и схема строения глаза.

— Вот что вы должны вспомнить. — Доктор Тредуэлл отошла от экрана и, повернувшись, посмотрела на изображение. — Базовый искусственный интеллект основывается на сенсорном управлении. Вы не будете иметь дело с разумом, который умеет самостоятельно фильтровать все эти вещи. Вы должны разрабатывать программы, способные распознавать основные формы и отбраковывать несущественную информацию. Вы должны сделать для своего робота то, что ваш соб-

ственный разум делает для вас: создать упрощенный и упорядоченный набор сведений на основе значимых показателей. Для начала рассмотрим несколько примеров распознавания базовых форм.

— Чарли! — снова прошипели у нее над ухом, и девушка нетерпеливо помахала карандашом на Арти — приятель заглядывал ей через плечо. На это движение ушла целая драгоценная секунда, и теперь Чарли на шаг отставала от речи преподавательницы. Девушка принялась строчить с удвоенной силой, стараясь не упустить ни слова.

Лежавшие перед ней листы бумаги уже покрылись формулами, заметками на полях, зарисовками и схемами. Чарли хотела записать абсолютно все: не только сухие математические формулы, но и сопровождавшие их образы. Если она сумеет увязать новые сведения с уже имеющимися у нее знаниями, ей будет проще их запомнить. Чарли с жадностью впитывала новую информацию, высматривала интересные факты, точно собака, не сводящая глаз с накрытого к ужину стола.

Какой-то парень из первого ряда поднял руку, чтобы задать вопрос, и Чарли нетерпеливо поерзала: теперь весь класс будет ждать,

пока Тредуэлл объясняет очевидные вещи. Девушка позволила мыслям течь неторопливо и принялась рассеянно чертить на полях.

Джон будет здесь через — она взглянула на свои наручные часы — час. «Я ведь сказала ему, что однажды мы увидимся снова. Похоже, это самое «однажды» наступило. Джон свалился как снег на голову: «Я просто буду мимо проезжать», — заявил он, и Чарли даже не потрудилась спросить, как он узнал, где она. «Разумеется, он бы в любом случае узнал». Нет никаких причин с ним не встречаться, и Чарли с удивлением обнаружила, что при мысли о скорой встрече испытывает то восторг, то ужас. Вот и теперь она выводила на полях абстрактные прямоугольники, а ее желудок сжимался от нервных спазмов. Такое чувство, будто в последний раз она видела Джона давным-давно, в прошлой жизни. Порой ей казалось, что они встречались только вчера, будто и не прошел целый год. Но он минув, и за это время для Чарли все вновь изменилось.

В мае, в ночь ее восемнадцатого дня рождения, снова начались те сны. Чарли давно привыкла к кошмарам, в которых из глубин ее разума вырывались, как сгустки желчи, са-

мые худшие ее воспоминания; в снах эти образы делались еще ужаснее, так что и вспоминать страшно. По утрам девушка загоняла эти сны на задворки сознания и там запечатывала, зная, что ночью кошмары опять вырвутся на волю.

Эти сны отличались от старых кошмаров. Проснувшись, Чарли едва могла пошевелиться, все мышцы болели; она чувствовала себя выжатой как лимон; затекшие руки ныли, словно она много часов подряд сжимала кулаки. Эти новые сны приходили к ней не каждую ночь, но уж если это случалось, жуткие видения врываются в ее обычные кошмары и брали над ними верх. Неважно, бежала она, отчаянно кричала или просто брела по серым, мрачным местам, в которых побывала за истекшую неделю. Вдруг из ниоткуда появлялся он — Сэмми, ее потерянный брат-близнец. Она чувствовала, что он рядом.

Чарли ощущала его присутствие так же, как осознавала собственное существование; вне зависимости от того, что ей в тот момент снилось, все исчезало: люди, места, свет и звук. Теперь она искала брата в темноте, снова и снова выкрикивая его имя. Сэмми никогда не отвечал. Всякий раз Чарли падала на

четвереньки, пробиралась во тьме на ощупь, ползла туда, где по ее ощущениям находился брат, и неизменно натыкалась на какую-то преграду — гладкий, холодный металл. Чарли ее не видела, но изо всех сил била по ней кулаком, и звук удара отдавался долгим эхом.

— Сэмми! — кричала она, ударяя все сильнее. Она вставала, вытягивала вверх руки, пытаясь нащупать край гладкой стены, но та уходила высоко вверх. Чарли била кулаками по этому барьеру, пока не начинали болеть руки. Она выкрикивала имя брата, срывая голос, и наконец падала на землю и сидела, привалившись к твердому металлу плечом, прижималась к холодной поверхности щекой, надеясь, что с той стороны донесется хотя бы шепот. Сэмми был там, она это знала, чувствовала кожей.

В тех снах ее брат существовал. И хуже всего было то, что, проснувшись, Чарли понимала: Сэмми больше нет.

В августе Чарли и тетя Джен впервые поссорились. До сих пор они не так часто пересекались, чтобы ругаться. Девушка никогда не испытывала потребности бунтовать, потому что тетка никогда не была для нее большим авторитетом. Вдобавок Джен ни-

когда ничего не запрещала племяннице, никогда не вмешивалась в то, что она делает, при условии, что Чарли ничто не угрожает. В день, когда семилетняя Чарли переехала в дом Джен, тетя четко дала понять, что не собирается заменять ей родителей. Теперь, повзрослев, Чарли поняла, что тогда тетя Джен сказала это из уважения к чувствам девочки, хотела заверить Чарли, что ее отец не будет забыт, что она навсегда останется его дочерью. Но семилетняя Чарли восприняла слова тетки как предупреждение. «Не жди, что я окружу тебя родительской заботой. Не жди любви». И Чарли ни на что такое не рассчитывала. Джен всегда заботилась о Чарли, а та никогда не требовала особой еды или модной одежды. Джен научила племянницу готовить, делать работу по дому, грамотно распоряжаться своими деньгами и ремонтировать машину. «Ты должна быть независима, Чарли. Ты должна уметь позаботиться о себе. Ты должна быть сильнее, чем...» В этом месте тетя всегда обрывала себя на полуслове, но Чарли и так знала, что та имеет в виду. «Сильнее, чем твой отец».

Чарли покачала головой, пытаюсь избавиться от неприятных мыслей.

— Что случилось? — спросил сидевший рядом Арти.

— Ничего, — прошептала девушка. Она снова и снова обводила карандашом одни и те же линии: вверх, вниз, вверх, вниз, так что рисунок становился все темнее.

Когда Чарли сказала тете Джен, что возвращается в Харрикейн, лицо женщины будто окаменело, а кожа побледнела.

— Что это тебе в голову взбрело? — спросила она с убийственным спокойствием в голосе. У Чарли чаще забилося сердце. «Потому что именно там я его потеряла. Потому что он нужен мне больше, чем ты». Желание вернуться несколько месяцев не давало девушке покоя, с каждой неделей становясь все сильнее. Однажды утром Чарли проснулась и поняла, что выбор наконец сделан и отступать нельзя.

— Джессика едет в Сент-Джордж — учиться в колледже, — сказала она тете. — Она начинает летний семестр, так что, пока я там, смогу пожить с ней. Хочу снова увидеть дом. Я до сих пор очень многого не понимаю, у меня такое чувство... что это важно, — неловко закончила Чарли. Тетя Джен все смотрела на девушку своими темно-синими глазами, и та говорила все медленнее и тише.

Несколько секунд Джен не отвечала, а потом просто сказала:

— Нет.

Прежде Чарли, наверное, воскликнула бы: «Почему нет? Раньше ты ведь меня отпускала». Но после прошлогодних событий, когда они с Джессикой и остальными забрались в пиццерию «У Фредди» и выяснили чудовищную правду об убийствах в старой пиццерии ее отца, между ними все изменилось. Изменилась сама Чарли. Теперь она решительно встретила взгляд тети Джен.

— Я поеду, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

А потом разразился скандал.

Чарли не помнила, кто именно начал кричать, она или тетя, но она так вопила, что горло стало саднить и жечь. Она выплеснула на тетю всю накопившуюся боль и все обиды. Джен в свою очередь кричала, что лишь хотела заботиться о Чарли, что всегда делала все от нее зависящее, но все ее слова почему-то звучали как оскорбления.

— Я уезжаю! — наконец выкрикнула Чарли. Она бросилась к двери, но Джен схватила ее за руку и с силой дернула назад. Чарли пошатнулась, едва не упала и ухватилась за